Вирус

Виталий Каплан

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ написан в 1996 году.

- Виталий Каплан
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Виталий Каплан
ВИРУС

1

Этот самый Андрюха оказался именно таким, как я себе и представлял пухленький, бледненький, в очёчках. Домашний овощ, одним словом. Он, наверное, и по футбольному мячу не стукал ни разу, всё за компьютером пасётся. Ну ладно, это мне без разницы, у меня дело к нему.

— Ты, что ли, Дронов? — поинтересовался я, разглядывая нетерпеливую физиономию домашнего овоща.

— Ну, я, а тебе чего? — хмыкнул тот, уставившись куда-то мне под ноги.

— Да есть тут один базар. Мне про тебя Мишка Грибнев сказал, что ты в компьютерах там волокёшь, и всё такое.

— А, Мишка… — малость успокоился Андрюха. — Тогда заходи. Ботинки только снимай, наследишь ещё тут, бабушка ругаться станет.

Ну-ну, культурный дом, значит. Ладно, мне и в тапки залезть не в лом. А вот у Лёшки, между прочим, никто про обувь не возникает. В чём хочешь проходи.

— Так какое у тебя дело? — начал Андрюха, едва только мы оказались в комнате. Комната очень даже ничего, плакаты на стенках, между прочим, классные, компьютер, само собой, на столе поблёскивает, дискеты всякие разбросаны, книжки, распухшие от электронной зауми… Но кавардак у него, конечно, ещё тот. Постель не убрана, рубашка смятая со стула свисает, вот-вот на пол свалится. Мне бы за такое маманя мигом шею намылила. А этому, выходит, можно. Балуют, значит. Оно и видно, домашний овощ.

— В вирусах чего-нибудь сечёшь? — сходу перешёл я к делу.

— Ну, более-менее, — кивнул Андрюха, усаживаясь перед экраном, на котором светилась какая-то синяя табличка. — Что, машину заразил, лечиться надо?

— Это тебе лечиться надо, — плюхнувшись на стул с рубашкой, сообщил я. — Мне как раз наоборот. Мне такой вирус нужен, чтобы компьютер надолго заглох. Можешь такой?

— Ну, надо подумать… — покачал головой Андрюха. — А тебе это зачем?

— Тебе не всё фиолетово? Я же не за бесплатно… Так, пошутить надо с одним деятелем.

Ох, не хотелось мне с ним препираться, а ещё больше не хотелось объяснять, что и почему.

Но Андрюха, к моему удивлению, оказался овощем грамотным. Наверняка не я один к нему с такими делами

подъезжал.

— Ладно, это твои проблемы, — сухо кивнул он. — Тебе как, просто заражённую дискету сделать, или с игрой?

— Конечно, с игрой! — оживился я. — Что-нибудь такое, свеженькое, чтобы у него ещё не было.

— За свеженькое отдельно платить надо, — сообщил мне Андрюха весёлую новость. — «Мёртвый десант» устроит?

— Чего-чего?

— Да так, фигня. Инопланетные десантники высадились, ты их мочишь, они тебя. Стрелялка, месилка. Лазеры всякие… Девять уровней сложности… Мне такое неинтересно.

— Ну, а мне в самый раз. Сколько с меня всего?

Андрюха озабоченно потёр лоб.

— Ну… Значит, отдельно вирус, отдельно игрушка, за дискету ещё… Тебе, кстати, на какую писать?

— А они что, разные бывают? — тупо осведомился я.

— Ну ты и чайник… — хмыкнул Андрюха. — Ладно, запишу на трёшку, сейчас почти у всех такие дисководы. Так что у нас получается всего… Хотя ты же от Грибнева… Ну ладно, десять баксов найдёшь?

А у домашнего овоща, однако, хватка! Не такой уж он тряпичный, как мне сперва показалось.

— Рублями можно?

— По курсу, — кивнул Андрюха и, пощёлкав по калькулятору, назвал сумму.

— Хрен с тобой, держи, — полез я в карман. Нет, недаром всё-таки на бензоколонке ошивался, кое-чего заработал, пока Мыло со своими пацанами оттуда меня не попёр. Я и Лёшку поначалу агитировал, но ему, конечно, предки не разрешили. Он же как маленький, чуть что, с ними советуется…

Андрюха пересчитал деньги, сунул их в ящик стола и, затолкав в щель дисковода какую-то зелёную дискетку, лихо принялся давить на клавиши. Там, в недрах компьютера, что-то урчало, быстро-быстро мигал красный огонёк на светло-сером корпусе, прыгали по экрану разные картинки.

Спустя пару минут он, удовлетворённо хмыкнув, протянул мне дискету.

— Держи. Готов твой заразный «Десант». Вирус в нём классный сидит.

— И чего он делает? — уточнил я на всякий случай.

— А я сам не знаю, — скривив пухлую губу, улыбнулся Андрюха. Непредсказуемо работает. Но все, кто от него пострадал, говорят — зверская штука.

— Ладно, я тогда пошёл.

— Ну, давай, а то мне ещё работать надо, — сразу завздыхал домашний овощ. — Пойдем, я тебя провожу.

— Счастливо, — буркнул я захлопнувшейся двери. Надавил кнопку лифта. Заурчав, как обожравшаяся кошка, поплыла откуда-то снизу кабина.

Зябко что-то мне было, честно говоря, хоть у меня и пуховик тёплый.

2

— Здорово, Макс! Пролезай давай, — Лёшка пожал мне руку, ловко подхватил вздумавшую было выпасть из рукава шапку, нацепил мой пуховик на резную полированную вешалку. — Тут у меня Олег сидит, игры переписывает, предупредил он, проходя в комнату.

— А, Полунин, привет, — кисло кивнул я расположившемуся за компьютером однокласснику и плюхнулся на огромный Лёшкин диван. Тот, как всегда, жалобно скрипнул подо мной. Хотя чего ему возникать, во мне и весу-то всего-ничего. Маманя говорит — скелет с глазами. На это, кстати, многие пацаны нарывались. Думают, ветром меня снесёт, а потом, лё- жа на асфальте, соплями истекают. Три года ходил на каратэ, пока у папаши денег хватало за секцию платить.

— Чем занят, Полунин? — искоса поглядывая на Лёшку, поинтересовался я.

— Не видишь, что ли, игры пишу, — пробурчал Олег, даже не повернувшись ко мне.

Нелюбовь у нас взаимная. Когда мелкими были, чуть ли не каждую неделю дрались. То он меня, то я… По правде говоря, чаще он. Это потом уже я на каратэ записался. Вредный он тип, Олег, настырный. Вот и сейчас пользуется, Лёшкины игры переписывает. Задарама-то оно в кайф, между прочим.

— Ну, трудись-трудись, авось не опухнешь, — хмыкнул я, разглядывая стенку с ковром. Сколько я тут ни обтирался, а всё время глазами к этому ковру прилипал. Очень уж он был красивый. Лошадь по лугу мчится, без всадника, неосёдланная, и бежит она вверх, по холму, а из-за края холма солнце вылезает. Всё такое желтовато-розовое…

Ну, когда у меня уже всякое терпение кончилось, Полунин дописался наконец. Дискеты стопочкой сложил, в коробку пластмассовую запихал и стал собираться.

— Спасибо, Алекс. Значит, как будет у меня второй варкрафт, я тебе в момент сигналю. За мной железно. Ладно, пойду я, пожалуй, а то родичи на уши встанут. Пока, Огрызок!

Это он мне.

— Пока, Полушка, — отозвался я, специально не глядя на его рябую физию. — Кстати, — добавил я, когда он уже стоял на пороге, — за огрызка поимеешь.

— А, ну-ну… Строгий заяц на дороге, подпоясанный ломом, — жёлчно протянул Олег. — Гляди, сам не поимей…

— Гуляй, Вася, жуй опилки. Как-нибудь ещё побазарим.

— Зачем ты его всё время цепляешь? — расстроенно спросил Лёшка, возвращаясь из прихожей. — Чего он тебе сделал?

Мне очень не понравилась эта его, Лёшкина, расстроенность. Обиделся, выходит, за своего Олега? Да, вон до чего дошло — теперь и Полушка ему почти «свой». А кто же тогда я?

И значит, всё правильно, ничего другого больше не остаётся, и плевать на эту угнездившуюся внутри меня зябкость.

— Между прочим, он сам первый меня Огрызком обозвал. И вообще, добавил я как бы случайно, — ты его совсем не знаешь, ты к нам только в пятом классе переехал. А я с этим деятелем с самого мелкого возраста…

— И всё время грызётесь? — озабоченно спросил Лёшка.

— С ним иначе нельзя, — вздохнул я.

Ну разве я виноват, что моя фамилия Огрызкин? Я, что ли, её себе выбирал? Ну конечно, будь я каким-нибудь Орловым или Соколовым, всё бы ничего. На худой конец, Ёлкиным, как Лёшка. А так — обзываются разные… Ладно, это я сейчас могу конкретно выписать в дыню, а вот раньше…

— Лёшь, да хватит о нём. Я вот тебе, кстати, тоже кое-чего принёс. Раз уж компьютер, и такие дела… Игрушка — классная! Закачаешься. Мне её на мамкиной работе переписали.

Уже не обращая внимания на внутреннюю зябкость, я поднялся с дивана. И вытащил зелёную дискетку.

3

Почему-то вспомнилось мне, как впервые Лёшка появился в нашем классе. Тогда, кажется, был такой же паскудно-слякотный день, как и сейчас. Мы, тридцать шесть гавриков, только-только просочившись мимо грозной математички в класс, изнывали в ожидании контрольной. Чуяли, что плохо напишем.

И вот, когда уже Светлана Львовна готова была раздать нам тетради, распахнулась дверь, и в кабинет ворвалась наша багроволицая классная, Ольга Григорьевна. Иначе она появляться не умела — шумовые эффекты обязательны. Такая уж беспокойная тётя.

За собой Ольга тащила невысокого, растерянно моргавшего мальчишку в тёмно-зелёном свитере. Мы насторожились.

— Вот, дети, — заявила она, отдышавшись, — это ваш новый товарищ, Алёша Ёлкин. Он приехал к нам из другого города, из Дальногорска, и теперь будет учиться в нашем классе. Я надеюсь, вы подружитесь. Не забывайте, что вы — коллектив, а закон коллектива — это один за всех и все за одного.

«Один усёк, что все на одного» — шепотом передразнила её Светка Рогулина, сидевшая на задней парте.

— И вы, разумеется, должны понимать, что по отношению к нашему новому ученику Ёлкину необходимо проявить максимальную тактичность, не задавая ему лишних вопросов…

Классная могла заливаться в том же духе часами. Маманя про таких говорит — язык что помело. Однако Светлана Львовна, как всегда, постояла за наши интересы. В своём, конечно, понимании.

— Ольга Григорьевна, извините, у нас контрольная работа. Про коллектив вы им на классном часе расскажете. А теперь, к сожалению… Куда бы тебя посадить, — задумчиво протянула она, обращаясь уже к новичку. Видишь, как получилось, сразу на контрольную угодил… Что называется, с корабля на бал. Ну, да ничего. А садись-ка ты поближе… — она обвела класс долгим взглядом. — Ну, хотя бы сюда, с Максимом. Он у нас мается одиночеством… Ладно, приступим. Елисеева, раздай тетради! И быстренько.

Классная, поняв, что поболтать не обломится, ускользнула из кабинета, жирная Алка Елисеева, староста-отличница, принялась бегать между рядами, одаривая народ тетрадками, а новичок подсел ко мне.

Мне это, в общем, пофигу было. С Вадькой Зверухиным, моим извечным соседом, у нас уже два месяца имел место неустойчивый мир, но Вадька пятый день валялся дома с

температурой, и я, стало быть, пребывал в не таком уж тоскливом одиночестве. Так что подселение новичка — это как шило на мыло. Мне не жалко.

— Ты вправду из Дальногорска? — шепнул я ему, когда Светлана Львовна отвернулась к доске.

— Угу, — кивнул пацан.

— И как там? — вякнул я по дурости.

— Плохо, — односложно буркнул он, доставая из сумки пенал.

Только теперь я сообразил, что имела в виду Ольга, предупреждая насчёт лишних вопросов. Могли бы, между прочим, и сами догадаться. Телик все смотрят, про тамошнюю военную разборку в курсе.

Но скоро мне стало не до общения с Лёшкой. Заботливая наша Светлана Львовна приготовила моему второму варианту такие пакостные примерчики, что хоть стой, хоть падай.

Я, конечно, не стоял, не падал — сидел. Но в голове уже отчётливо нарисовался украшенный синим «лебедем» дневник, багровые разводы на папашиных щеках. И то, чем соприкасался я со стулом, заныло весьма даже неприятно.

Очевидно, мысли о недалёком будущем отразились на моём лице, и Лёшка — ну совершенно ещё незнакомый мне пацан, — это просёк. Что-то нацарапав на бумажке, он осторожно, лёгким движением рукава, подтолкнул её ко мне.

Там были мои злосчастные примеры. И, как потом оказалось, решённые абсолютно верно.

Светлана Львовна, объявляя мою четвёрку, всё приговаривала:

— Значит, можешь, Максим. Очень даже неплохо можешь. Только ленишься, потому что шило в одном месте. А в другом месте — ветер.

Надо сказать, Светлана Львовна ни разу не называла меня по фамилии. И за это я ей многое прощал.

4

…Так началась наша с Лёшкой дружба. Явившемуся после гриппа Зверухину пришлось откочевать на две парты, к Полунину. Конечно, при прочих обстоятельствах классная встала бы на уши, но тут она почему-то вообразила, будто новичок окажет на меня благотворное влияние. И решила нас не рассаживать.

С Лёшкой как-то сразу получилось у нас легко. Мы ходили на Старые Холмы кататься на лыжах, я даже его учил немного — у них ведь там, в Дальногорске, снега-то настоящего и не бывает. Известное дело, юг.

Мотались мы и по киношкам. Его родители не возникали, что вот, мол, связался интеллигентный мальчик со всякой там шпаной. Даже иногда подкидывали мне денег на билет.

Ну, они, конечно, от этого не беднели. Папа у Лёшки занимался каким-то бизнесом. «Рога и копыта оптом и в розницу», — только и усмехался Антон Сергеевич в пушистые усы. А мама Лёшкина в турагенстве заведовала отделом рекламы. В общем, обеспеченные люди.

Маманя, порасспросив меня, лишь головой кивнула понимающе:

— Да уж, надо понимать, не пустыми из этого Дальногорска снялись. И у нас как устроились, это же уметь надо! И квартира какая, само собой… И в таком доме… Между прочим, не то что мы, шестнадцать лет на очереди — и ни малейшего просвета.

Когда она так говорит, мне всегда хочется убежать на улицу и до самой ночи бродить вдоль сугробов. Ну зачем же так? Что они, Лёшкины родители, ей плохого сделали? Почему надо поджимать губы и прикидывать, сколько они в месяц имеют? У самой, что ли, денег больше станет?

Да и папаша принимался философствовать, особенно как получку отметит:

— Ты, Максимка, смотри, — внушал он, уставясь на меня очень уж добрыми глазками-бусинками. — Ты вот с этим Лёхой своим сейчас корефанишься, всё путём, не спорю. А если, к примеру, чего не поделите, поссоритесь… Может такое быть? Ну, молчи-молчи, я сам скажу — ещё как может. А потом, мало ли, какая вещь пропадёт у этих… Ведь на тебя же, дурачка, свалят. Чего куксишься, я дело говорю! Или вон с учёбой у Лёхи нелады пойдут, всякое бывает, школа — она дело, понимаешь, такое. Или, как постарше станете, курево там, картишки, винцо… Кто тогда крайним окажется? Всё ты, Максимка. Это ты, значит,

вредно на него влияешь. И классная ваша, и все они именно так и завопят. Зачем неприятностей на глупую башку грести? Водись уж лучше со своим братом, а к деловарам этим не клейся. У них своя компания, у нас — своя…

Сперва я молча выслушивал папины умные мысли, а потом уже просто из комнаты сбегал. Так он и не убедил меня — ни словами, ни ремнём.

Потому что все они ну совершенно ничего не понимали. Не понимали, что плевал я на деньги Лёшкиных родителей, да и самому Лёшке это фиолетово было. А что Лёшке можно рассказать про всё, и он не будет смеяться, а серьёзно так кивнёт и скажет что-нибудь хорошее — так ведь моим это не втолкуешь. Не объяснишь, как радостно делается, когда, опоздав на урок, ещё в дверях видишь его тёмные, с каким-то зеленоватым отливом глаза, и уже неважными становятся учительские втыки. Не расскажешь о взятых у него книжках, которые глотаешь залпом, за ночь, укрывшись одеялом с головой и светя себе фонариком. Папаша книги вообще не особо уважает, а маманя твердит, что читать надо то, что по школьной программе положено. А не всякую там фантастику-хренастику.

Ну, и в классе тоже поначалу отдельные козлы возникали. Мол, хорошо Ёлкин с Огрызкиным устроились. Один другому задачки решает, а тот, значит, охранником у Ёлкина служит. С этими, шибко умными, я разобрался, но всё равно как вспомнишь, до сих пор обида к горлу подкатывает. И ведь враньё! Никогда Лёшка меня ни о чём таком не просил, наоборот, скрывал даже, если кто прискребётся. Ну, от меня не больно-то скроешь. Хотя, между прочим, никто особо к нему и не лез. Не такой уж он хилый, пацан как пацан, а что книжки больше любит, чем, как я, по макиваре лупить — так ведь не он один такой.

Был, правда, вредный восьмиклассник Очёсок, тот сперва высказывался понаехали, мол, всякие жучки с юга, а мы их, значит, кормим. Очень любил Очёсок такое в спину заорать и смыться. Ладно, подчалил я к нему однажды после уроков, попросил не выступать. Он не понял, думал, напрашивается мелкий. После тихий ходил, задумчивый. Осознал.

А в общем-то, мы с Лёшкой всякой пакостью мозги старались не забивать. Много чего другого было. Про фантастику говорили, про всякое такое, Лёшка мне даже стихи свои показывал. Я в этом деле не секу, но, по-моему, здорово. А в прошлом году Антон Сергеевич, Лёшкин отец, взял нас в поход, на байдарках. По Саяге ходили, и по Волчьей до Мраморного озера. Мои сперва рогом упёрлись, ни в какую. Пришлось мне из дому дерануть, пару ночей в подвале у знакомых ребят кантовался. Потом, конечно,

выдрали меня знатно, папаша постарался. Он как раз тогда злой ходил, с маманей они грызлись. Ничего, зато всё же отпустили. Дошло до них, что я такой — я и куда подальше подвала могу слинять.

В общем, всё казалось нормальным. Я знал, что мы с Лёшкой нужны друг другу. Да так оно и было.

До этого самого компьютера.

Такой подарок отвалили ему родители осенью, на день рождения. Лёшка ходил возле запечатанных коробок обалделый, с какой-то малость растерянной улыбкой. Он не верил, что компьютер и вправду куплен ему, что всё это не сон. Да и я тоже, как увидел чудо техники, так и выпал в осадок. В нашем классе кое-у-кого дома были компьютеры, но их устанавливали родители для всякой взрослой работы, а нас если и пускали поиграться, то лишь от больших щедрот.

А тут — специально для игры. Антон Сергеевич, правда, говорил, что Лёшка должен осваивать эту технику, программировать и всё такое, что компьютер понадобится в любой профессии. Но это были пустые слова. Мы с Лёшкой прекрасно понимали, что будем играть, играть и играть.

Да, поначалу всё выглядело отличным. Пришёл знакомый Антона Сергеевича, немного повозился с розетками и кабелями — и аппарат заработал.

Антон Сергеевич, кстати, тоже присоседился — подключил компьютер к телефону, через специальную такую штуку, модем называется. Теперь, сказал, информация о поставках прямо сюда, в квартиру потечёт. Да только нам эти взрослые заморочки были неинтересны.

Лёшка принялся переписывать у ребят игры, и вечера мы с ним просиживали возле экрана, пытаясь задолбить агрессивных вампиров, спасти принцессу из лап злого колдуна, выиграть сумасшедшую гонку на мотоциклах…

Потом как-то незаметно выпал снег, стаял — а после пошёл опять, за пару дней укутал землю толстым-толстым слоем, и значит, настало время для лыж.

Но Лёшка в этом году был какой-то кислый. Раза два я заходил за ним, звал на Старые Холмы, но тот отнекивался — по-моему, просто не хотел отползать от компьютера. А мне кататься одному уже в ломину было.

То же самое получилось и с кино. Сходили мы один раз на «Зелёного корсара», да и то Лёшка потащился за мной из вежливости. Но глаза у него были скучные, пустые, и лишь по дороге к дому он оживился, рассказывая о классной игре, что переписал у Серёги Белецкого из восьмого «А».

А вот мне эти игры стали вдруг как-то не очень. Сперва, конечно, в охотку возился с ними, но прошла неделя, другая, месяц — и я помаленьку остыл. Ну не понимаю я, какая радость весь вечер щёлкать кнопками, когда на улице такой пушистый снежок, и можно пойти в парк, кататься на коньках по застывшему Круглому пруду, или просто бродить по улицам, похрустывая американской картошкой из пакетика, и говорить обо всём на свете. Ведь раньше так у нас с Лёшкой и было.

А теперь он и стихи перестал писать. Как появился компьютер, с тех пор ни разу не доставал, смущённо улыбаясь, свою синюю записную книжку. Хотя, может, он просто больше не хочет мне показывать.

Ведь я же не один на свете. Есть и всякие прочие друзья.

Их, друзей, оказалось навалом, как только все о компьютере пронюхали. Теперь, как вечером к Лёшке ни зайдешь, всегда хоть кто-то, а пасётся. Или играют, или на халяву переписывают. И Лёшка с ними увлечённо что-то обсуждает, смеётся, спорит о каких-то мегабайтах и инсталляциях. А я сижу, как болван, и жду, когда же эти все схлынут. Ну, отвалят они, и Лёшка, как заведённый, всё мне разными компьютерными прибамбасами хвалится. Я смотрю, конечно, а потом оказывается, поздно уже, пора домой, чтобы с маманей не лаяться.

Беру я у Лёшки какую-нибудь книгу, топаю по лестнице. И так тоскливо всё становится, так пусто, что и книжку его читать не в кайф.

И сколько я ни ломал голову, пытаясь понять, что же происходит, так ничего и не выдумал. Кроме того, что во всём этот хитрый ящик виноват. То есть компьютер. Не будь его, разные там Полунины и Белецкие давно бы от Лёшки отвалили. На фиг он им сдался, если больше ни одной игры на халяву не обломится?

И всё стало бы как раньше.

И вот тут-то мне, как нарочно, попалась газетка со статьёй о компьютерных вирусах. Маманя в неё туфли заворачивала, когда из починки несла. Ну, я случайно глазами на этот заголовок и наткнулся.

И понял, что надо делать.

Жаль, конечно, Лёшку. Хреново ему будет, когда накроется компьютер, но ведь это для его же пользы! Очнётся он от электронной одури, почует, как жизнь помаленьку весной запахла. Может, опять стихи писать начнёт.

Я, само собой, понимал, что счастье недолго продлится. Починят ему компьютер, Антон Сергеевич опять какого-нибудь приятеля позовёт. Но на несколько дней, может, на неделю ящик

отрубится. А за это время Лёшка наверняка поймёт, что много чего на свете есть кроме дурацких игрушек.

И что есть я.

Ну, а дальше было уже просто. И на Андрюху этого, на программах свихнутого, выйти, и Лёшке заразную дискетку подарить.

Осталось ждать, когда вирус оживёт.

5

Прошло два дня, а вирус в Лёшкином компьютере, похоже, и не думал просыпаться. На уроках я сидел мрачный, нехорошие предчувствия поселились в моей голове. Уж не наколол ли меня домашний овощ Андрюша? Если так, то нехорошо ему будет. Мало того, что десять баксов свои вытрясу, но и фотографию ему как следует отшлифую. В воспитательных целях.

Я даже звякнул Мишке Грибневу, поинтересовался, что Андрюха за кадр, и не числится ли за ним каких-нибудь подставок? Оказалось, надёжный пацан, крутой хакер. Если взялся, так уж сделает будь здоров.

Ну ладно, решил я. Подожду ещё денька три, а там уже с овощем потолкую. Он поймёт, что со мной ссориться вредно для почек. Особенно когда у меня настроение поганое.

К тому же это самое настроение мне изрядно подпортила очередная пара по алгебре. Вообще-то плевал я на такие дела, но тут уж конец четверти на носу, и вполне может нарисоваться итоговый банан. А тогда заставят в каникулы таскаться в школу, как дурачка. Учиться, как завещал папа Карло. А не пойдёшь, они моментально вопилку врубят. И классная, и Светлана, и завуч Татьяна Акимовна к воспитательному процессу присоседится. Маманю будут вызывать, школой для тупых грозиться. Нет, кто как, а я этот цветочек уже нюхал. Легко ходить с весёлым видом, что тебе, дескать, всё пополам, но внутри-то очень даже пакостно.

В таком пакостном настроении я проходил ещё день.

А в четверг Лёшка не пришёл в школу.

Нет, сперва я ничего такого не подумал. Ну, грипп подцепил, бывает. Перед Новым Годом у нас вообще полкласса отрубилось, и нормально. Странно только, что когда, вернувшись домой, я набрал его номер, завыли в трубке длинные гудки. Интересное кино получается. Если он болеет, значит, дома сидит, значит, к телефону подползёт. А если в таком отрубе, что из постели ни на сантиметр, значит, мама его, Лия Семёновна, ответит.

Но никто не отвечал.

Я честно прождал до вечера, потом опять принялся мучить аппарат. И снова тянулось наглое нытьё гудков. Я выждал семь… ещё три… и ещё два… И когда уже собрался класть трубку на рычаг, послышался голос. Так и есть — Лия Сёменовна.

— Алло, а Лёшу можно? — выпалил я в тёмные дырочки.

— Здравствуй, Максим, — узнала меня Лия Семёновна. Она всегда узнавала мой голос. — К сожалению, Лёша сейчас подойти не может. У нас тут всякие неприятности. Завтра в школе

увидитесь. До свидания.

И запрыгали в трубке короткие гудки отбоя.

Вот так, значит. Не болезнь, а «всякие неприятности». И Лёшка подойти почему-то не может. Или не пускают его?

Уж не заработал ли наконец Андрюхин вирус?

Но что бы ни натворил электронный гад, родители всё равно в школу погонят. Значит, не в этом дело.

Всю ночь я ворочался, то погружаясь в тягучую сонную одурь, то отчаянным рывком выпрыгивая из неё обратно, в душное слепое пространство комнаты, где то и дело облизывали потолок мутные, дрожащие блики. Было в их дрожании что-то нехорошее. Что-то липкое, гнилое — почти как в моих на кусочки разодранных снах.

Лёшка появился за минуту до звонка, когда я уже был на взводе. И думал, что фраза «сидеть как на иголках» — очень верная. Лет пять назад я как-то и вправду сел — маманя забыла подушечку с булавками на кресле, и надо же мне было именно туда плюхнуться. Но, честное слово, теперешнее ожидание казалось противнее.

Видок у Лёшки был, надо сказать, впечатляющий. Под левым глазом расплывался тёмно-лиловый, с жёлтым ободком фингал, возле уха пластырь, два пальца левой руки замотаны в марлевую повязку.

Народ прямо пасти разинул. Такого от тихого батана никто не ждал.

— Кто взлез на тебя, о Ёлка-палка? — вякнул Алик Шувиленко, наш остряк-самоучка. Пришлось, перегнувшись через парту, залепить ему щелбан.

— Закрой поддувало, козёл, — ласково посоветовал я ему. — А то распишу ещё красивше.

Лёшке, само собой, было неприятно это всеобщее возбуждение. Он тут же принялся доставать из чёрной своей сумки тетради, учебник по русскому, пенал. А когда вытащил всё нужное для школьного счастья хозяйство, хмуро уставился в тусклый пластик парты.

— Лёшь, что случилось-то? — шепнул я ему. — А то я уж тут прямо как рыжик маринованный. И мама твоя ничего не говорит.

— Да у нас, понимаешь… — нехотя начал он.

Но его грубо прервали.

— Кажется, Ёлкин с Огрызкиным забыли, что сейчас урок? — точно надоедливая муха, загудела русичка Нина Васильевна. — Парламентские ваши дебаты можете после школы устраивать. А сейчас, милые вы мои хорошие, ещё один звук из вашего региона — и дневнички на стол!

И лишь когда проползли эти бесконечные сорок пять минут всяких там синтаксисов и пунктуаций, Лёшка смог рассказать, что с ним стряслось. Ясное дело, всяким разным страсть как захотелось подслушать, но я живо отправил их до ветра. Тоже козлы, нашли бесплатный цирк.

Мы стояли на последней лестничной площадке, выше которой лишь чердак. Спокойное место, тихое.

— Ты понимаешь, — медленно, словно прислушиваясь к чему-то в себе, заговорил Лёшка, — сижу я в среду за компьютером, играю в Doom. А время три часа, родители, естественно, на работе…

Он говорил долго и сбивчиво, и мы, конечно, опоздали на следующий урок, на биологию. Но Марина Павловна тётка хорошая, по таким делам не выступает. Лишь прищурилась и сказала:

— Ну что ж, судари мои, прискорбно. Сами у себя украли пять минут самостоятельной работы. Ладно уж, садитесь, вот вам ваши карточки…

Ну вот, Лёшка, как оказалось, сидел перед монитором как приклеенный и геройски мочил всяких там инопланетных деятелей. Он так увлёкся боем, что ничего вокруг не замечал. Ни тихого, прерывистого потрескивания телефона, ни звуков радио — оно у них никогда не выключалось.

Не заметил он ни металлического лязга, ни скрипа входной двери. Всеми своими печёнками-селёзенками был он там, в открытом космосе. И вернулся на нашу планету лишь услышав чей-то козлиный, дребезжащий тенорок:

— Играешь, значит, юноша? Ну-ну, оно полезно.

Лёшка оторвался наконец от экрана.

В комнате обнаружилось двое неприятного вида парней. Хотя тот, с козлиным голоском, на слово «парень» не тянул. Был он уже лысоват, жилист, поблескивал стальным зубом. Второй, квадратный шкаф ростом под потолок, стоя в дверях, насвистывал популярный мотивчик — «на ковре из жёлтых листьев, в платьице простом…»

Оба они были в одинаковых кожаных куртках, оба шарили по сторонам какими-то скучающе-цепкими взглядами.

— Ну, оторвись, пацан, от своего ящика, — проблеял Тенорок. — Видишь, мы в гости к тебе пришли.

— Вам что, папу? Так его же нет дома! — встрепенулся Лёшка.

— Оно и видно, — понимающе кивнул тенорок. — И сие отрадно. Без толку нам с твоим папой общаться. Плохо он себя кое-с-кем ведёт, ясных базаров не просекает. Ну, а с тобой,

надеюсь, мы подружимся. А что предполагает дружба? — поинтересовался он, опёршись о спинку стула и дыша Лёшке в затылок чесноком. — Молчишь, пацан? Да ты некультурный какой-то. Ну ладно, считай, что мы в классе, а я учитель. Предмет мой называется — «проза жизни». Итак, теорема первая. Дружба предполагает справедливый раздел имущества. Как сказано у поэта, тебе половина и мне половина.

— Да чего с ним трепаться, Фомич, — подал голос Квадратный Шкаф. Нам что, спешить некуда?

— Заглохни, ящер, — обернулся к нему Тенорок. — Спешка когда хороша? Правильно, при ловле блох. Телефон обрезал? Вот и займись. А с мальчиком пообщаться очень даже интересно. Он ведь не хочет обидеть своих новых друзей? Короче, дружок, колись. Где баксы-шмаксы, брошки и золотые крошки? Мы, конечно, и сами найдём, но тогда вот этот дяденька, — кивнул он в сторону Квадратного Шкафа, — сделает тебе бобо. Он это умеет. Так что быстрее, пацан, нам лясы точить некогда.

Лёшка сидел молча, переваривая ситуацию. Сколько раз он слышал про такое по телеку, в газетах читал, но тут это самым наглым образом происходило с ним! По-настоящему. А не как в видашных фильмах.

Фильмы и подсказали ему, что делать. Он прикинул, что если, резко спрыгнув со стула, на предельной скорости рвануть к стоящему в дверях бандиту, влепить ему пяткой промеж ног, то, пожалуй, можно успеть выскочить из квартиры — взломанная дверь наверняка открыта настежь.

Нет, Лёшка, само собой, умный пацан, но в таких делах прямо как младенец. Прыгнул, добежал до Квадратного Шкафа, даже ногой успел замахнуться. Очнулся на полу, левый глаз, как ему показалось, превратился в огненный шар, в голове всё звенело, точно мелочь в кармане.

— А шустрый мальчишка, однако, — заметил Квадратный Шкаф. Невоспитанный.

— Да, придётся наказывать, — согласился Тенорок-Фомич. — Но это чуть позжее, а пока, чтобы не рыпался, приделай его к стульчику.

Квадратный Шкаф поднял Лёшку, одним движением швырнул через всю комнату прямо на стул. Потом, достав откуда-то капроновый шнур, примотал несколькими витками к спинке. И пробубнив: «Ах, да ты же лягаться любишь», затянул крепкую петлю на Лёшкиных ногах.

— Ну что, пацан, сам виноват, — улыбаясь, заметил Фомич. — Сам разорвал незримые узы нашей дружбы. А если друг оказался вдруг… Видно, яблочко от яблони… Впрочем, папа

у тебя иногда бывает умным. Авось дойдёт до него. Ну, а что касается тебя — сейчас дядя с тобой побеседует, а я пока совершу экскурсию по квартирке. Советую быть разговорчивым. Ну да ничего, этот дядя умеет убеждать.

Квадратный Шкаф, широко ощерив очень белые зубы (Лёшке показалось, что их не меньше ста), вынул перочинный ножик и, пуская лезвием солнечных зайчиков, приблизился к Лёшке. Тот съёжился и закрыл глаза.

— Ну что, мальчик, будем резать пальчик? — с какой-то весёлой заботливостью поинтересовался Квадратный Шкаф. — Вопи сколько душа ни просит, — усмехнулся он в отвел на Лёшкин крик. — Дом у вас хороший, перекрытия капитальные, никакой, понимаешь, акустики. Никто тебя не услышит. Поэтому колись быстрее — и мы с дядей Васей тебя пожалеем.

Дальше всё случилось настолько быстро, что Лёшка и не понял, как же так вышло — комната вдруг наполнилась людьми, и кто-то давил Фомичу локоть, а Квадратный Шкаф, захлёбываясь розовой пеной, валялся возле настоящего шкафа, зеркального.

— Так, — протянул кто-то, — интересное тут кино получается, Сергей Михалыч.

Лёшка наконец сориентировался. В комнате обнаружились белобрысый милицейский сержант, двое крепких парней в пятнистой камуфляжке и пожилой сухощавый дядька в дымчатых очках и аккуратном сером костюме.

— Ну что, жив, парнишка? — негромко спросил тот, пока один из пятнистых парней резал шнур. — Говорить можешь?

Лёшка кивнул.

— Значит, пора знакомиться, — дядька сразу приступил к делу. — Меня зовут Сергей Михалыч. И работаю я в коммерческом банке «Алиас», заведую отделом защиты информации. Так вот, — протянул он, — насчёт этих шустриков всё понятно, сейчас за ними приедут. Не о том речь. Но скажи ты мне, голубь, кто это у вас с модемом баловался?

… - В общем, — рассказывал Лёшка, прислонясь к перилам, оказывается, в этом их банке кто-то через модем вышел на главный компьютер, сервер называется, и запортил до фига разных данных. Причём пароль правильный ввёл, вот что странно. А там же все модемные звонки отслеживаются. Ну, они определили, что вроде звонок с нашего телефона был. Вызвали милицию, взяли своих охранников и поехали разбираться. А как подошли к двери, мент этот белобрысый просёк, что она как-то не так выглядит. Вроде и закрыта, а царапины какие-то на ней подозрительные. И я как раз в тот момент заорал, — добавил он, потупясь.

— Да чего ты, Лёха, фигнёй маешься, — сочувственно кивнул я, — тут любой бы заорал, когда ножом по пальцу.

— Ну вот, — продолжал Лёшка, — они сообразили, что дело нечисто. Звонить не стали, открыли дверь. У них такая штука есть, любую дверь откроет, а уж нашу-то, с английским замком… Вошли они, значит, а тут как раз Фомич в прихожей шурует. Ну, одним словом, задолбили они Шкафа с Фомичом за полминуты. Вызвали опергруппу и «скорую помощь» для меня. Телефонный шнур те гады перекусили, так эти раз — и по радиотелефону. Крутые… А программист, ну, Сергей Михайлович, прямо так и примагнитился к компьютеру. Всё пытался понять, как же так он сам по себе в их банк влез. Тут и папа с работы примчался, милиция его первым делом вызвонила. Сидели они с Сергеем Михайловичем, сидели. А тут всякие странные штуки на компьютере стали получаться… В общем, программист в конце концов сказал, что это, наверное, вирус у нас гадит. Подключился к модему резидентно ну, то есть пока я играл, и набирал подряд номера. Случайно, от фонаря. И попал в ихний банк. А потом так же, от балды, взял и ввёл пароль. Оказалось, с первого же раза угадал. И потёр там какие-то файлы.

Сергей Михайлович долго ругался, ущерб, сказал, на много миллионов. И вообще это прямо какая-то фантастика. Вся теория вероятностей, сказал, летит в мусорную корзину. Ну, они с папой сидели допоздна, потом Аркадий Иванович зашёл, папин друг, тот самый, что компьютер нам устанавливал. Выловили они этот вирус в конце концов. Лечить даже не стали — вдруг выживет и по новой пакостить начнёт? Отформатировали винт — ну, то есть затерли всё, что в памяти было. Жалко игрушек, — вздохнул он. — Папа вдобавок ещё обозлился, сказал — всё, больше никаких игр, никаких левых дискет, осваивай лучше программирование…

— Ты сам-то как? — перебил я.

— Да чего со мной сделается, — Лёшка махнул рукой. — Фингал, конечно, болит…

— А палец? Этот гад успел порезать?

— Нет, это я, оказывается, зашиб, когда падал. Повязку наложили, сказали, через неделю всё пройдёт. Врачиха со «скорой» нудеть начала, что, наверное, сотрясение мозга, что надо в больницу… Но мама отказалась. Знаю я, говорит, ваши больницы. Вот так. Теперь все узнают, дразниться будут, — грустно заключил он.

— С какой это стати? — вскинулся я. — Я ни слова никому…

— Да всё уже, поздно пить боржом, — невесело усмехнулся Лёшка. Мама-то ещё в тот день классной звонила, всё ей и

рассказала. А наша Ольга, она ведь такая, всем растреплет. Все учителя, наверное, уже знают. Скоро и наши ребята подначивать станут.

— А рожи у них не треснут? — хмуро поинтересовался я. — Пусть только попробует кто вякнуть… Не боись, всё тихо будет.

…Уж что-что, а длинные языки я прищемить сумею.

— Ты только не очень выступай, — малость охладил он мой порыв. — А то ещё хуже получится. Начнут за спиной всякие гадости болтать. И так уже…

Не договорив, Лёшка нагнулся за сумкой.

— Потопали, что ли, на биологию? — предложил он, взглянув на часы. Нам же ещё самостоятельную писать…

Ну, вот и она, славная победа. Веники цветов, корыто шампанского. Добился-таки я своего. Сработала операция «Вирус». Да ещё как сработала Андрюхина электронная пакость, выходит, Лёшку спасла! Если бы не компьютерная шуточка со звонком в банк, эти гады, Фомич с Квадратным Шкафом, уж точно замочили бы Лёшку. Я про такие дела знаю. На фиг им пацан-свидетель… Ну, теперь их в ментовке раскрутят. Ведь не иначе как по чьей-то наводке шустрили. Хотя, кто его знает. По-моему, странно они себя вели, на серьёзных людей не похоже. Те, серьёзные люди, сперва бы позвонили в квартиру, убедились бы, что дома никого — и тогда лишь впёрлись бы. И дверь бы аккуратно открыли, чего её, Лёшкину дверь, ломать — замок типовой, кому надо, за пять минут ключ подберёт. Странные, конечно, люди Антон Сергеевич да Лия Семёновна. Квартира богатая, деньги имеют — другие на их месте такую бы дверь отгрохали, танком не своротишь. Хотя бы как у наших соседей Брюквиных. А они… Ну, теперь-то, ясное дело, зашевелятся. Когда жареный петух клюнул.

Да, можно радоваться. Спас друга, избавился от проклятого ящика… Но было мне не в кайф, а очень даже наоборот. Словно какой дрянью обляпался. Или как если зуб начинает болеть. Он только начинает, а я уже вибрирую потихоньку, представляя всю дальнейшую тягомотину… Вот и сейчас не мог я радоваться. Что-то было здесь нехорошее. Точно бутерброд с мылом.

В таком намыленном настроении я просидел всю биологию, что-то начиркал на листочке по самостоятельной, но сдавать не стал — парой больше, парой меньше — теперь всё пофигу… И потом, на истории, я был непривычно тихий — уткнулся в парту, думал. Наверное, для нашей исторички Елены Ивановны это был самый счастливый урок в жизни. В кои-то веки безнравственный паршивец Огрызкин её не доводит, не украшает её, историчкину, жизнь всякими мелкими заподлянками… Немного же требуется

для счастья истеричной Ивановне.

Мне вот, однако, хотелось большего. Я, наверное, никогда не скрипел мозгами так отчаянно, как сегодня, тусклым мартовским днём, глядя в уже целую четверть немытое окно, где из плотных, под завязку набитых снегом облаков вырисовывалась некая фигура, подозрительно смахивавшая на фигу.

Вот, значит, перестанет Лёшка забивать себе голову компьютером, быстро схлынут всякие там Полунины, Михайлики и Белецкие, сообразят, что больше поживиться нечем. И всё станет как раньше.

Нет, уже не всё. Это Лёшка, наивный честный Лёшка, который ни о чём таком не догадывается, снова начнёт писать стихи, спорить со мной о книжках, сочинять фантастический роман о космическом пришельце, угодившем в пятнадцатый век, в нежные объятия испанской инквизиции. К уже написанным полгода назад пяти страницам прибавится ещё несколько. Он весной будет гонять со мной на великах по парку, это с ним, с прежним Лёшкой, мы, быть может, летом сплавимся на байдарке к Мраморному озеру, обследуем пещеры в тамошних горах…

Но в том-то вся и пакость, что я уже никогда не стану прежним. Я буду знать о заражённой дискетке, о хитром своём подарочке — «Мёртвом десанте». Я не смогу забыть, что всё это — книжки, катания на великах, облитые розовым огнём рассвета сосны на речном берегу — я добыл себе враньём, заподлянкой своей. Оно, враньё, чем дальше, тем наглее будет прорастать между нами прозрачным оргстеклом, замкнётся надо мной обманчиво-хрупким колпаком, и Лёшка останется там, на свободе, в дышащем солнцем и хвоей лесу, а я так и буду бессильно колотиться о невидимые стенки.

Может, мне так и надо? Ну и пускай колпак, пускай тает наша дружба, точно лёд в холодильнике, когда его разморозят. Главное — Лёшка остался цел, главное — пакостный вирус всё-таки сотворил одно единственное в своей электронной жизни чудо. Спас моего друга.

И убил нашу дружбу.

Нет, хреновина какая-то получается. Ладно, спас. Так я-то тут при чём? Я и не рассчитывал на такое. Эх, будь я в среду вместе с Лёшкой, когда ввалились эти… Уж я бы как спущенный с цепи пёс рвал гадов. Пока они меня бы не загасили. Но всё равно…

Здорово, конечно, о подвигах мечтая, слюни пускать, да только меня там не было. Я просто хотел подпустить Лёшке вируса. Чтобы отфутболить всяких левых друзей, имеющих наглость ошиваться возле него.

Заслоняющих меня.

А если совсем уж честно, если до самого дна нырять, так ведь и Лёшку проучить хотелось. Как он смел променять меня на кремовую коробку «Pentium-100»? Так пускай малость подёргается, пока не допрёт, что вот он я — его единственный настоящий друг.

А тогда… Чем я тогда лучше Тенорка со Шкафом?

6

Из школы мы, понятное дело, вышли вместе. Как бы там оно гадостно ни получалось, а надо с ним рядом быть. Поналезут ещё любопытные одноклассники с вопросами. Или какой-нибудь новый Фомич объявится… Мало ли… Может, остались какие-то друганы. Им же сейчас самое милое дело на Лёшку наехать, запугать, чтобы изменил показания. Мол, никто его не бил, никто ножом резать не хотел. Сам упал, сам ударился. На полу поскользнулся. Паркет, знаете ли, натёртый…

А может, это я сам себе башку дурил, сочинял законный предлог, чтобы рядом с Лёшкой пойти. Напоследок.

— Слушай, Макс, — осторожным каким-то голосом произнёс Лёшка, знаешь… Маме своей скажи, чтобы на работе проверили машины. Мало ли…

— Ты это к чему? — вытаращился я на него, а по спине уже заскользил липкий холодок. Неужели он о чём-то догадывается?

— Да понимаешь, — замялся Лёшка. — Я всё думаю насчёт этой истории, ну, с вирусом. Ведь непонятно, откуда он взялся. Сергей Михайлович с папой даже и гадать не стали — проходной двор ведь был, ребята дискеты всякие носили…

— Ну, а… А почему мамке надо? — как нельзя глупее, спросил я.

— Макс, как бы тебе сказать, — совсем уж засмущался Лёшка. Помолчал, а после, собравшись духом, сказал:

— Конечно, вирус этот мог с любой дискеты пролезть, но… Знаешь, когда винт стали форматировать, вдруг на экране табличка такая жёлтенькая появилась, и на ней чёрными буквами: «Мёртвый десант не сдаётся! Всегда с Вами. Ваш вирус.» Вот, я и подумал… Ну помнишь, ты мне в понедельник игру приносил? Это же он и был, «Мёртвый десант». Так что знаешь, пускай они там всё-таки проверят компьютеры. А то ещё получится как в том банке…

Нет, он по-прежнему ни о чём не подозревал, добрый мальчик Лёша. Беспокоится о мамане… О её работе… Знал бы он, что работает она буфетчицей в трамвайном депо, и в смысле компьютеров там никто ни ухом, ни рылом! Он, наверное, и представить не смог бы в с ю правду.

…Что-то влажное, колючее скользнуло по моей щеке. Я было вздрогнул, но когда сверху посыпались всё новые и новые белые хлопья, вспомнил, как ещё с утра затянули небо тугие, свинцового отлива облака. И что с того, что сейчас март?

До весны теперь очень долго.